

Прочитав статью Владислава Иноземцева «Почему Россия не Монголия?», я впервые узнал о добрых переменах в этой стране, давнем партнёре СССР и России. Суть статьи: «Бурный экономический рост соседней некогда отсталой страны достигнут не благодаря «стабильности», а демократии». А какие перспективы духовного, культурного роста Монголии? Есть ли какой-то потенциал?»

Понятие монголосфера ввёл в научный оборот Георгий Вернадский.

Прошло почти восемьсот лет после создания империи Чингисхана, и в августе 2004 года я оказался на горе Малахитэ. Накануне вечером, проехав от Улан-Батора почти четыреста километров на запад, мы прибыли в Каракорум. В солнечный день хорошо видна бывшая столица империи. К сожалению, её панорама не радует. Убогие деревянные лачуги у реки. Юрт нет, они лишь на берегах Орхона, где живут туристы. На улицах бродят козы, овцы, лежат коровы. Я словно вернулся на века назад. Но не в Монголию, а в старинное сибирское село.

Правее горы Малахитэ находится каменный Билик-Эрхтэн

в металлической оградке. Тот самый, возле которого проводили обряды Ягша-Онгон во времена Чингисхана. В чаше перед ним курятся благовонные свечи, рядом лежат монеты. Мужчины и женщины воздают почести Билик-Эрхтэну, символу семейного счастья, желают здоровья своим детям и тем, кто не имеет потомства, но очень хочет его. Проехать мимо памятника невозможно – на бетонном столбе при въезде в Каракорум красуется указатель с изображением древнего фаллоса.

Но автобусы и легковые машины, подъезжающие к монастырю Эрдэни-Цзу, построенному в XV веке, возвращают в наши дни. Толпы туристов бродят у рядов торговцев сувенирами. К сожалению, огромный по площади монастырь навсегда уничтожил уникальный пейзаж древней столицы. Его стены, здания и 108 высоких субурганов возведены из камней бывших дворцов Чингисхана и Угэдэя.

За монастырём идут раскопки. Археологи обнаружили фундаменты каких-то подсобных зданий, но останки дворцов Чингисхана и Угэдэя находятся внутри нынешнего дацана, где копать нельзя. Профессор **Баяр Довдой**, один из руководителей монголо-германской экспедиции, рассказал о ходе

раскопок. В небольшом сарае за столиками с ноутбуками сидели немецкие учёные. Увидев меня, они приветливо улыбнулись, ответили на мои вопросы. К счастью, я ещё не совсем забыл немецкий.

Профессор Баяр своим спокойствием напомнил Тататунгу, и мне приятно, что он согласился стать моим гидом в поездке на Орхон. Позже он прочитал начало моего «Гонца», сделал уточнения и даже оставил несколько рисунков. И я очень благодарен ему за это.

Водитель **Наянтай**, доставивший меня на своей «хонде» в Каракорум, похож на моего героя Бат-Мэргэна. Такой же неразговорчивый и незаметный, как разведчик. А имя переводчицы **Арюуны** и её сестры **Оюуны** я дал героиням моего романа. Но слегка изменил имена на Аюна и Оюна. Но подробнее о них позже. Встретив людей, похожих на моих героев, я не увидел Тургэна. Это так же трудно, как найти человека, похожего на себя.

Впав в состояние, близкое к медитации, здесь, на горе Малахитэ, я потерял ощущение времени, словно на меня подействовал волшебный камень эрдэни, смешивающий века и тысячелетия. Я вспомнил о своих предках — шаманах монгольского рода нойот, которые перекочевали с Халхингола на Ангару. По словам родителей, я появился на свет рыжеволосым, сероглазым, но с возрастом потемнел.

В 1934 году моему отцу, как «сыну кулака и шамана», пришлось уехать с Ангары за Байкал. Там отец строил паровозо-вагонный завод в Улан-Удэ, потом стал

директором санатория на Верхней Берёзовке, но после расстрела моего деда отца исключили из партии, уволили. Мы хлебнули лиха, голодали, мёрзли. Зимой 1942 года умерла моя сестрёнка Света. Отец сказал, что она, не ведая того, совершила обряд замещения и тем спасла всех нас.

После восстановления в партии отец стал директором Ильинского санатория, а мама — медсестрой. Здесь, на берегу Селенги, рядом с Байкалом, я рыбачил, охотился, ездил на монгольских лошадях, не раз падал с них, они лягали меня. Но я рад, что с детства познал их норы и запах, что мне пришлось скакать по ночной тайге, косить сено, охотиться, рыбачить. После окончания МГУ я вернулся в Улан-Удэ, стал журналистом. Всё это помогло написать книгу, которая сейчас у вас в руках.

Начав метать копьё и диск, я стал чемпионом Бурятии и в 1957 году впервые попал в Монголию, где победил в международном матче по лёгкой атлетике. Позже выступал в Москве, Тарту, Целинограде, Алма-Ате, Чимкенте, Джамбуле, Фрунзе, Батуми, Ялте, Краснодаре, Киеве, Хабаровске, Владивостоке. Так, благодаря копьё и диску, я побывал почти во всех местах, где скакали кони моих предков.

Есть и мистические совпадения — упав на Байкале, я сломал правую ключицу, а, борясь на сурхарбане, сломал правое ребро, как Чингисхан. Начав книгу о нём, я пошёл по пути Тургэна, ставшего летописцем.

Дальнейшая поездка по Каракоруму оказалась ещё интересней.

Я увидел высокую южную долину Орхона, по которой ездили Тата-тунга и Тургэн, а на севере – рошу, где проходил обряд Ягша-Онгон. Меня удивило, что мои описания мест, где я никогда не был, почти полностью совпадают с пейзажами, увиденными впервые.

Древний Орхон – река времени, олицетворение текучести и бесконечности веков. Оазис прохлады у хребта Хангай, спасающий от знойного дыхания Гоби, издавна привлекал людей. Первооткрыватель Каракорума **Н. Ядринцев** писал, что здесь всё дышит для того, чтобы образовать государство на Хангае. Неслучайно здесь жили гунны, тюрки, уйгуры, кыргызы, а сейчас живут монголы.

И тут меня вдруг осенило, что я с детства купался в водах Орхона, ведь он впадает в Селенгу, где проходило моё детство. И вместе с водой этих древних рек я впитывал и память о своих монгольских предках, возвращаясь к своим истокам.

Поднявшись на вершину холма, где установлен памятник империям гуннов, тюрков и монголов, мы начали рассматривать памятник. Профессор Баяр сказал, что его автор – художник **Дэнзэн**. Три стелы с мозаичным изображением империй увешены лентами, флажками. Подножие монумента усыпано монетами и ассигнациями. Среди них – монгольские тугрики, китайские юани, японские иены, русские рубли, американские доллары, центы и евро. Сколько же туристов со всех концов света приезжает сюда! До чего велик интерес к далёкому прошлому Монголии!

И тут невольно вспомнились строки Блока о скифах и азиатах «с раскосыми и жадными очами». Их часто цитируют в школьных сочинениях и научных трудах. Но здесь, на мой взгляд, более уместна такая строфа:

Придите к нам! От ужасов войны
Придите в мирные объятия!
Пока не поздно –
старый меч в ножны,
Товарищи! Мы станем – братья!

Что происходит в Монголии сейчас? Как живут потомки великого завоевателя? Впервые я побывал здесь в 1957 году. Затем неоднократно – в журналистских командировках. А в 2004 году – в вольном творческом полёте «По местам боевой славы Чингисхана». Внимательно слежу по телевизору за происходящим в Монголии. За полвека знакомства со страной набралось много впечатлений. Мне есть что вспомнить и с чем сравнить.

Хорошо помню «эпоху **Цеденбала**», когда все боялись его, Генерального секретаря ЦК Монгольской народно-революционной партии, и его жену **Анастасию Филатову**. В те годы то и дело разоблачались «антипартийные заговоры». С высоких постов убивались в основном самые яркие талантливые люди. Я лично знал некоторых из них, а также тех, кто слетал всего лишь от недовольного прищура глаз Анастасии Ивановны. Поэтому в окружении Цеденбала царила атмосфера подобострастия и неуверенности в завтрашнем дне.

В те годы улицы городов Мон-

голии украшали плакаты с изображением всадника, прыгающего из феодализма в социализм через «пропасть капитализма». Сейчас этих плакатов нет, но страна и люди как бы застыли в прыжке над пропастью, перепрыгнуть которую не удалось. Более того, приходится засыпать её и строить... капитализм. Далеко не все согласны с этим, и потому политика и экономика, а вместе с ними люди, находятся в противоборстве. И всё же рыночная экономика расширяет свои права.

Стержнем идеологии и культуры Монголии стали деяния и образ Чингисхана. Но вспоминается, как в 1954 году за установку памятника ему в урочище Делюн-Болдог были сняты с постов руководители аймака Дадал Сомон и высокие чины в Улан-Баторе. После «свержения» Цеденбала в 1984 году отношение к создателю Великой империи изменилось в корне.

Учреждён орден Чингисхана, о нём слагают песни, пишут стихи, пьесы, ему ставят памятники, его именем называют улицы, кафе, лучшие сорта водки. В Улан-Баторе я увидел рекламу «Чингисхан – дуурь». Дуурь – по-монгольски опера. Но мне невольно видится более короткое русское слово: слишком уж перегибают некоторые поклонники великого предка. От великого до смешного один шаг: недалеко от щита «Чингисхан – дуурь» – вывеска «Мерилин Монро Отель». Эта частная гостиница пользуется успехом. Приезжих привлекает не столько комфорт, сколько дешёвизна.

В долгом пути в Каракорум и обратно – необычные для глаза

европейцев холмы, поля, где пасутся верблюды, овцы, козы, коровы, лошади. Непонятно, что они едят – травы почти нет. От зноя и отсутствия дождей пастбища полуголые, ни деревьев, ни кустарника на них. Но скота много, и он упитан. До чего же неприхотливы, выносливы местные породы, которые века живут в таких условиях! Поголовье скота в Монголии опережает соседние регионы России (Туву, Бурятию, Забайкалье) в 7-20 раз. Монголы вышли на второе место в мире по производству кашемира. И тут возникли проблемы – овцы, дающие кашемир, поедая траву с корнями, облакают другой скот на полуголодный рацион...

Обратный путь в Улан-Батор завершаем ночью. В лучах встречных фар обгоняем грузовики и легковые машины. Некоторые из них останавливаются у перекупщиков шерсти и мяса. Сделки более выгодны коммерсантам, но и араты довольны – не надо ехать в город, платить за места на рынках и в гостиницах. Пронесятся и фуры-рефрижераторы с китайскими иероглифами. Бизнесмены более высокого ранга скупают мясо, масло, шерсть, шкуры животных не в розницу, а оптом. Китайцев в Монголии очень много. Потомки бывших рабов монгольских ханов чувствуют себя гораздо увереннее, чем века назад, ведут себя по-хозяйски – заводят свои магазины, кафе, рестораны, гостиницы, женятся на монголках. На улицах Улан-Батора много метисов с китайскими чертами лица.

Россиян в Улан-Баторе стало очень мало. Во время первого при-

езда в 1957 году я видел много русских, и монголы хорошо понимали по-русски. Сейчас же они не понимают русскую речь. Происходит примерно то, что и в Прибалтике, Средней Азии, Закавказье, а кое-где и у нас в России. Например, на конференциях в Кызыле и Якутске я удивлялся, что переводы на русский язык звучат реже, чем на английский.

Великолепно выглядит столица с обзорной площадки на горе, над рекой Тола. Но панорама многоэтажных домов в центре обрамлена кольцом юрт на окраинах. Столица утопает в облаках дыма и копоти от костров в юртах и выхлопных газов автомашин. Причём подавляющее большинство их сделано в Китае, Корее, Японии. Российских и европейских машин мало. Улицы забиты пробками. Не только от количества машин, но и от аварий. Лихачей очень много. Меня чуть не сбил лимузин в центре Улан-Батора. Я шёл на зелёный свет светофора, но какой-то лихач так резко вырулил из-за угла, что я еле увернулся из-под колёс.

При возвращении из Каракорума наша машина едва не попала под тепловоз, неожиданно выехавший на переезд через проспект Мира. Наянтай еле успел затормозить свою «Хонду», однако тепловоз зацепил её и протаскил несколько метров. Ещё бы мгновение, и нас раздавило бы в лепёшку. Не знаю, что выручило нас – молебен при отъезде из Каракорума или духи предков? Но уверен, что меня хранил и дух Чингисхана, ради которого я приехал в Монголию. И будет хранить, пока я не закончу книгу о нём! А может, и позже.

Наянтай в прошлом геолог. Заработав деньги в экспедициях, он вложил их в недвижимость, сдаёт в аренду китайцам три зала кафе в центре Улан-Батора. Его сын окончил университет, дочь-студентка вышла замуж за богатыря-земляка. Наянтай обеспечил их квартирами, дачей на берегу Толы. Так что живут неплохо.

Переводчица **Арюуна** училась в Москве, вернулась на родину и вместе с сестрой **Оюуной** работает в торговой фирме, созданной бурятом **Тумэном Цыдыповым**. Их имена в укороченном варианте – Арюна и Оюна, я дал героям романа «Гонец Чингисхана» – сёстрам из Талхуна (ныне Сухэ-Батор).

Кстати, в Монголии немало бурят, приехавших из России. Они в общем-то довольны бизнесом. Негласный старейшина бурятского землячества **Ким Болдохонов** много лет заведовал здешним корпунктом ТАСС, а позже – газеты «Аргументы и факты». Большим авторитетом у земляков пользуются первый секретарь посольства России в Монголии **Рыгзэн Ракшаев** и его коллега – консул города Эрдэнэт **Геннадий Манжуев**. (Ныне он президент ВАРКА – Всебурятской ассоциации развития культуры в Улан-Удэ).

Буряты – выходцы из Монголии. Самый крупный народ из коренных обитателей Сибири: в России – почти 500 тысяч, а с учётом соплеменников в Китае, Монголии и других странах мира – около миллиона. «Люди длинной воли» бежали к Байкалу так же, как когда-то украинцы в Запорожье и русские на Дон, где стано-

вились казаками. Среди беглецов оказались и мои предки. За столетия буряты и монголы стали отличаться языком, верой, но не потеряли чувства родства. И хорошо, что тяга к единению появилась в наши дни, когда панмонголизм не вызывает былых подозрений у власть предержащих. И по-иному, чем прежде, звучат строки Владимира Соловьёва, использованные Александром Блоком эпиграфом к его «Скифам»:

Панмонголизм! Хоть имя дико,
Но мне ласкает слух оно.

Однако какими дикими оказались репрессии 1920-40 годов в борьбе с панмонголизмом в Монголии, Бурятии, Иркутской и Читинской областях. Тысячи общественных деятелей, учёных, писателей, цвет нации, были арестованы и погибли из-за них. И потому панмонголизм вовсе не ласкает мой слух. Он обagrён кровью лучших людей. И я бы заменил это «имя» понятием **монголосфера**, введённым в научный оборот Г.В. **Вернадским**. Для обоснования этого немного уйду в сторону...

* * *

В Улан-Баторе я познакомился с **Дэнзэном**, автором замечательного памятника империям в Каракоруме. Он внук академика **Ринчена** и бурятского учёного **М.П. Хабаева**, учителя и друга моего отца. Хорошо помню Мархоза Петровича, знаю трёх его прекрасных дочерей, одна из которых, Илиада, стала матерью Дэнзэна.

В поездке 2004 года я встретил замечательных людей, среди

которых Дэнзэн – один из самых ярких. Его прадед **Раднажап Бимбаев** (1845-1921) был переводчиком Кяхтинской таможни, знал купцов Лушниковых, Кандинских, Сабашниковых. Помогал экспедициям Потанина, Обручева, Пржевальского, Козлова. Стал казачьим полковником. Был награждён орденами Св. Владимира, Св. Станислава, Св. Анны, двумя китайскими орденами Двойного Дракона. Помимо того он копил слова. Издал монголо-русские словари в Верхнеудинске, Кяхте, Урге, Харбине, он собрал более сорока тысяч карточек. Помогал Сухэ-Батору как переводчик. Но в 1921-м попал в плен к Унгерну, который казнил его за отказ служить ему. Позже его бесценная картотека сгорела вместе с домом при раскулачивании его потомков в селе Большой Луг (Бурятия).

Сын Бимбаева академик **Ринчен** (1905-1977) родился в Кяхте, с детства хорошо знал русский. На учредительном съезде МНРП вместе с отцом помогал Сухэ-Батору в переговорах с представителями правительства РСФСР и ЦК РКП(б). Окончив педтехникум в Верхнеудинске (ныне Улан-Удэ), Ринчен поступил в Ленинградский институт живых восточных языков. Слушал лекции академиков Бартольда, Владимирцова, Ольденбурга, Щербатского. Изучил тибетский язык и ещё пятнадцать языков.

Приняв подданство Монголии, стал работать в Учёном комитете в Улан-Баторе, составил каталоги буддийских сочинений «Ганчжур» и «Данчжур», но изучал и гонимое ламами шаманство, что тогда, мяг-

ко говоря, не поощрялось. Вместе с **Дамдинсуреном, Нацагдоржем** Ринчен переводил Пушкина, и в 1937-м впервые на монгольском языке вышли стихи великого поэта и поэма «Борис Годунов».

Эрудированный, знающий много языков, острый на слово учёный вызывал зависть, раздражение серых коллег. И когда в МНР развернулись репрессии, зеркально отразившие происходящее в СССР, Ринчена обвинили в панмонголизме, шпионаже в пользу Японии, но он и под пытками не подписал приговора. Благодаря этому он остался в живых, но тюрьмы избежать не смог. После заключения его отлучили от науки, и он стал журналистом, писателем.

В 1945 году он получил премию имени Чойбалсана за сценарий кинофильма и подарил её сиротам Ленинграда, где прошли его студенческие годы. Занимаясь фольклором, Ринчен перевёл цикл стихов народного поэта «Жалоба тающего снега», где прозвучали жалобы волка, дзерена, верблюдицы, разлученной с верблюжонком, а также собаки, которую не любит хозяин. И хотя ей достаются лишь обглоданные кости, она продолжает служить ему верой и правдой...

Так как на родине Ринчену не давали заниматься наукой, он защитил докторскую диссертацию в Венгрии. В 1961-м его избрали академиком Монголии, затем он стал действительным членом академий Венгрии, Чехословакии, Швеции. Но и после этого продолжались нападки.

В 1976 году в журнале ЦК МНРП «Намын амьдрал» («Пар-

тийная жизнь») написали, что он – «нечистый» монгол, сын купца, белого офицера, кавалер орденов царской России и Китая. Так ярлыки навешали Раднажапу Бимбаеву, который помогал Сухэ-Батору и погиб от Унгерна. А Ринчена обвинили в том, что, изучая буддизм и шаманство, записывая предания, он воспеваеет феодальное прошлое. Потрясённый клеветой, академик не пережил новых нападков и через год умер.

Сын академика Ринчена академик **Барс-Болд** (родился 21.12.1935) стал палеонтологом с мировым именем. В 1990-х годах он открыл два вида ящеров-тероподов и создал теорию происхождения птиц от динозавров. Мировая научная общественность официально увековечила их названия: барсболдия и ринчения. Последнее в честь отца. Сейчас он – директор Института палеонтологии Монголии. Собрав уникальную коллекцию динозавров, он возит её во все концы света. В 2011 году его избрали иностранным членом Российской академии наук.

Судьбы ближайших предков оставили след в жизни его сына **Дэнзэна**. Как прадед, дед и отец, он знает много языков, не лезет за словом в карман. Как и отец – искатель по натуре. Ищет новые краски, формы, что помогло ему создать уникальный памятник трём империям в Каракоруме и много других произведений.

Учась в Ленинградском институте живописи, ваяния и зодчества имени Репина, Дэнзэн в конце 1970 годов подружился с Л.Н. Гумилёвым, который переписывался с

его дедом академиком Ринченом. Тогда эти учёные были в опале. Лев Николаевич с удовольствием общался с внуком Ринчена. Я рассказал Дэнзэну о своих встречах с Гумилёвым. Мы почтили его память и память академика Ринчена. Именно они первыми стали крушить надолбы лжи вокруг Чингисхана. Ведь его первые биографии написаны летописцами покорённых народов, а многие из них не обходились без эпитета «проклятый». Позже учёные разных стран, опираясь на них, продолжали очернять основателя империи монголов.

Беседа в Союзе художников и в кафе на улице Чингисхана шла два часа. Мы могли бы говорить дольше, но я спешил в Москву, а Дэнзэн собирался в Нью-Йорк. Его жена **Иванка Гроллова**, доктор исторических наук, знающая почти все европейские языки, а также маньчжурский, монгольский, неожиданно для всех, в том числе для неё самой, была назначена полномочным представителем Чехии в ООН. Став дипломатом, Иванка не бросает занятия историей. Я дал Дэнзэну первые страницы «Гонца Чингисхана», и мы расстались.

Дэнзэн хочет создать памятник Чингисхану на месте его рождения – на берегу Онона, в Агинском округе, где находится Делюн-Болдог, упомянутый бурятским учёным **Д. Банзаровым** ещё в XIX веке. Этот Холм Селезёнка (так переводится Делюн-Болдог), как и предполагаемая могила покорителя Вселенной, находятся в Забайкальском крае России.

Дэнзэн участвовал в политических баталиях Монголии. Они

оказались весьма опасными. В 1998 году был убит его близкий друг **Зоригто**, создатель демократической партии Монголии, кандидат в премьер-министры Монголии. Политические противники, как уголовники, зарезали молодого человека прямо в его доме. Угрожали и Дэнзэну, и его брату Лигдэну.

Удивительно, но Дэнзэн похож на молодого Льва Гумилёва. Лицом, телосложением, ростом, аналитическим складом ума, ироничной манерой разговора. Но кем будут считать себя юные сын и дочь Дэнзэна? Отец – бурят, мать – чешка. Дети росли в Улан-Баторе, Праге, Нью-Йорке. Как и их предки, знают много языков, увидели много стран. Вряд ли они откажутся от уникальной родословной древнего рода юншибу. Уверен, что они внесут достойный вклад в науку и культуру родной страны и всей монголосферы с её глубинными корнями и густой кроной.

Вернувшись в Москву, я вспоминал поездку в Каракорум, ночёвки в юрте на берегу Орхона, встречи с аратами, беседы с профессором **Баяром**, директором Исторического музея в Улан-Баторе **Очиром**, геологом Наянтаем, переводчицей Арюуной, архитектором Дэнзэном. И мне показалось, что монголы делают всё для процветания родины. Конечно, страна не достигнет такого взлёта, как при Чингисхане, но простые монголы верят в его второе пришествие, которое будет более добрым и принесёт процветание нации. И ничего странного в этом нет. Верят же буддисты и христиане во второе пришествие Будды и Христа.

Не идеализируя нынешних потомков Чингисхана, я убедился, что далеко не все монголы следуют его заветам – быть верными слову, честными не только перед хозяевами, но и перед всеми людьми. Некоторые из них страдают комплексом Джамухи – интригантством, неумением радоваться чужим успехам. От таких не услышишь добрых слов о их знакомых, о них они говорят только гадости. Может, мне не повезло, но я неоднократно сталкивался с теми, кто не ценит чужого времени, не держит слова, не возвращает долгов, идёт на обман. В этом смысле борьба Чингисхана и Джамухи продолжается и сейчас. Впрочем, такие люди есть не только среди монголов, но и среди бурят, русских и других национальностей.

В последние годы Монголия, как пишет главный редактор журнала «Свободная мысль» **Владислав Иноземцев**, перестала ориентироваться на Китай и Россию. «Потому что от великих держав исходят большие проблемы», – считают монголы. Главную роль в разработке недр играют британские, канадские и австралийские фирмы.

И вот итоги: с 1991 по 2010 год добыча угля в России выросла на 9 %, а в Монголии в 2,6 раза; добыча меди – у нас упала на 6 %, у них выросла в 4,2 раза; золота – у нас увеличение на 20 %, в Монголии – в 3,7 раза...

Как же я рад первому признанию успехов монголов от такого глубокого, яркого учёного, как В. Иноземцев.

Монголосфера не только пространство – степи, горы, реки, но и глубины времени. Я включаю в него древние сказания, тайлаганы, сурхарбаны, народные игрища, вроде тех, что возродились у горы Ердэ, на Байкале.

Сравнивая мифологию Монголии и Греции, поражаешься удивительному сходству образов. У монголов есть и амазонки, и одноглазые циклопы, а вместо Троянского коня использовались ундыры, большие кожаные мешки, из которых выскакивали богатыри и убивали врагов. Если греки почитают Олимп, то монголы – мифическую гору Сумеру и сотни реальных гор, вроде Алхана и Бурхан-Халдуна. **Геродот** писал о реке в Греции под названием Онохон. А у нас есть остров Ольхон на Байкале, село Онохой и река Орхон в Монголии. Может, простое созвучие или совпадение? А мне кажется, жители Греции и Монголии не случайно поместили их схожими именами.

Жаль, что из-за более позднего появления монгольской письменности человечество не знало об этих сходствах ранее. Но после публикации «Тайной истории монголов», «Алтан Тобчи», книг о Чингисхане, эпосов «Гэсэр» и «Джангар» весь мир ознакомился с огромным наследием.

И это ощущается в последние годы. Так, в романе «Долгое молчание», где описывается Южная Африка, маститый учёный и писатель **Этьен ван Херден** дал монгольские имена своим героям – Инджи и Молой. (Инджи у монголов – раб, а Молой – собственное

имя). Но Инджи – не рабыня. Она глубоко мыслящая и чувствующая личность. «Почему у меня такое чувство, – думает Инджи, – будто бы события давних лет имеют какое-то особенное, тайное значение для меня и для всех, кто меня окружает? Может быть, призраки прошлого, не могут оставить эти места в покое, потому что никто так и не разобрался до конца в том, что же на самом деле произошло?»

В романе **Маркеса** «Сто лет одиночества» Аурелиано Второй показывал детям картинки из Британской энциклопедии. Не зная английского языка, он превратил дирижабль в летающего слона, который ищет местечко, где бы прикорнуть среди туч. «А однажды он показал детям всадника, в котором, несмотря на экзотические одежды, было что-то родное, и, как следует рассмотрев картинку, пришёл к выводу, что это портрет полковника Аурелиано Буэндии. Дал поглядеть Фернанде, и она тоже нашла сходство не только с полковником, но и со всеми членами семьи Буэндия, хотя в действительности это был монгольский воин».

Прочитав это впервые, я рассмеялся, а потом подумал, ничего смешного нет. Видимо, колумбийцы, с раскосыми глазами и монгольскими скулами, – потомки наших предков, когда-то проникших в Америку через перешеек на месте нынешнего Берингова пролива, о чём писал академик Окладников.

* * *

Очень близки друг к другу мифологии монголов и росси-

ян. Одни и те же лешие, водяные, русалки, оборотни действуют в сказках наших народов. Вспомните, тридцать три богатыря в эпосе «Гэсэр» и «тридцать три богатыря, в чешуе златой горя» – в «Сказке о царе Салтане». А Салтан – обобщённый образ султанов, потомков Чингисхана в Казахстане и Средней Азии.

Удивительный вклад в монголосферу внёс **Пушкин**. В наброске его поэмы «Бова» царь Зензевей «Готовит пир – и ровно сорок дней своих гостей он пышно угощает». Точно так – сорок дней, угощали гостей на курултаях монгольские ханы. А имя Зензевей – из той же обоймы, что и Есугей, Угэдэй, Дзочибей, Кочубей...

Вряд ли Арина Родионовна называла эти имена, рассказывая сказки Саше Пушкину, но мальчик запомнил их общий дух и магические для монголов цифры – 3, 7, 33. Так у него появились тройка, семёрка, туз в «Пиковой даме» и тридцать три богатыря в «Сказке о царе Салтане».

Знание истории Пушкин получил в лице от лучших на то время преподавателей. А в 14 лет он, как пишет **В. Чудинов** в книге «Тайнопись в рисунках А.С. Пушкина», принял посвящение от русского волхва и получил от него тетрадь с рунами и неискажённой историей Руси. После посвящения Саша не стал волхвом, но приобрёл навыки и знания кудесника, ведуна. Чтение рун, которые скифы принесли из глубин Восточной Азии и довели до Италии и других стран Европы, помогло Пушкину ярко описать «времен минувших небылицы» и «преданья старины

глубокой» и воскликнуть «Там русский дух... там Русью пахнет!» Но в этой строке я ощущаю не только запах Руси, но и аромат степей Азии. И потому я попытался в этой книге показать глубинное духовное сходство наших народов.

* * *

Монголосферу создают не только монголы и буряты, но и люди других национальностей. Она немыслима без книг путешественников **Пржевальского, Потанина, Козлова, Обручева**. В конце изнурительных маршрутов, они в жару и мороз, при свете костров и луны записывали всё увиденное днём, и это стало основой их замечательных книг. Их традиции подхватил **Иван Ефремов**, написавший по итогам своих путешествий книгу «Дорога ветров» и фантастические рассказы с красочными описаниями пустыни Гоби, степей и гор Монголии.

Научную монголосферу создавали **Бартольд, Вернадский, Грумм-Гржимайло, Владимирцов, Щербатской, Ядринцев, Ринчен, Гумилёв, Жуковская, Кычанов**, учёные Академии наук в Улан-Баторе, Института монголоведения, буддизма и тибетологии в Улан-Удэ, а также учёные Венгрии, Германии, Швеции...

Среди всех имён особняком стоит имя **Г.В. Вернадского**. Сын выдающегося академика В.И. Вернадского, в честь которого назван проспект в Москве, Георгий Владимирович волей судеб оказался в эмиграции. Его отец в СССР искал радий, способствуя появлению советской атомной бомбы, но отличился и

созданием радиогеологии, теории биосферы и антропокосмизма. А его сын Георгий ещё в 1913 году писал о мировом значении империи Чингисхана: «Эта империя не мешала внутренней культурной жизни земли Русской».

Но труд Г. Вернадского «Монголы и Русь» и другие его книги появились у нас лишь в 1990-х годах, изданы малым тиражом и не известны широкому читателю. Между тем, именно **Георгий Вернадский** открыл Монголию для американцев. И потому они назвали Чингисхана человеком тысячелетия. Как-то один из друзей удивлённо спросил: «Почему в США Чингисхана назвали человеком тысячелетия? Кто подтолкнул их к этому?» Тут я назвал имя Георгия Вернадского.

А вот неожиданный голос из Южной Америки. Увезённый ребёнком в Аргентину и поневоле ставший белоэмигрантом, **Михаил Каратеев**, основываясь на евразийских взглядах Н. Трубецкого, написал роман «Русь и Орда», ставший бестселлером в Северной и Южной Америке, а также в Европе, Китае.

В 1929 году калмык **Э. Хара-Даван** издал в Белграде свой труд «Чингисхан как полководец и его наследие», где отметил, что все современные армии мира устроены почти как у монголов: десяток, сотня, тысяча, тумэн соответствуют нынешним подразделениям – отделение, взвод, рота, батальон, полк, дивизия... Переиздавать «белоэмигранта» Хара-Давана у нас начали лишь в 1990-х годах.

Подобные публикации были и в России. Выдающийся китаист

академик **В. Алексеев** опубликовал книгу «Чингисхан» (Берлин, 1922), после чего ему предложили стать членом Американской академии. А в СССР его удостоили суровой критики. «Востоковед, мало знакомый с Западом, — заявлял В. Алексеев, — нуль, слепой человек. Западковед, мало знакомый с Востоком, тоже узкий человек».

* * *

Духовным наследником творчества отца и сына Вернадских стал **Л.Н. Гумилёв**. Отталкиваясь от теории биосферы и антропокосмизма Владимира Ивановича, он создал теорию этногенеза, развил мысли Георгия Владимировича о так называемом «монгольском иге», назвав его симбиозом Руси с кочевниками. Между прочим, в ссылке в Туруханском крае Гумилёв женился на **бурятке Матрёне**, которая, к сожалению, умерла на его руках. Так что он знал бурят не понаслышке.

Взгляды Гумилёва встретили в штыки не только учёные, но и писатели. Особенно яростно нападал **В. Чивилихин** в книге «Память». История рассудила этот спор беспощадно. Последователи писателя основали полуфашистское общество «Память», а поклонники учёного создали Международной Евразийский университет имени Гумилёва в столице Казахстана Астане и фонд «Мир Л.Н. Гумилёва» в Москве, созданный **Айдером Куркчи и Ирмой Мамаладзе**. Сотни книг, статей, журналов, изданные фондом, уже оценены по достоинству. Труды Льва Николаевича популярны на

всём пространстве СНГ, успешно издаются и после его смерти.

* * *

Монголосфера немислима без романов **В. Яна** и **И. Калашникова**, без фильмов **В. Пудовкина** «Потомок Чингисхана» и **С. Бодрова** «Монгол», без гоголевского «Вия», где автор, сам того не ведая, рассказал о монгольском лешем. В сказке «Лягушка-путешественница» **В. Гаршин** переложил тибето-монгольскую легенду, а в опере «Князь Игорь» **Бородин** впервые показал лиризм и экспрессию «Половецких плясок». Конечно, половцы — не монголы, но они давние исторические соседи, «заклятые» друзья и враги, жившие в одних степях.

Не все знают о монгольских корнях художника **Василия Кандинского**. Его пращур маньчжурский князь Гантимур официально считался потомком Чингисхана. В книге «Древо Кандинских» я написал о шаманских веяниях в творчестве художника. Моё мнение сочли, мягко выражаясь, странным. Выступая на международной конференции в Третьяковской галерее, я чувствовал себя человеком, вышедшим на подиум с шаманским бубном. Как же удивился я неожиданной поддержке из-за океана. В солидной красочной монографии «Кандинский и старая Россия: художник как этнограф и шаман», вышедшей в 1995 г. в США, **Пег Вайс** обосновала то, о чём писал я, и сослалась на мою книгу «Древо Кандинских».

Есть предположение о том, что потомком Чингисхана является и **Михаил Шемякин**. Поехав с ним

на родину его отца в Кабардино-Балкарию, я узнал настоящую фамилию его отца – **Карданов** и что представителей рода Кардан – многие тысячи не только на Кавказе, но и за рубежом. Среди них – изобретатель карданного вала **Джероламо Кардано**, модельер **Пьер Кардэн** и другие потомки рода, бежавшие в средневековье в Европу вместе с мамлюками. Позже я выяснил, что в 1250-х годах на Северном Кавказе был улус **Кадана**, внука Чингисхана. Его женой была прекрасная кабардинка. Вот так и появился род Кардан. Нельзя считать эту версию абсолютно верной, но она привлекла внимание историков, писателей.

Монголосфера немыслима без песен, опер, пьес нынешних поэтов, композиторов, драматургов, без скульптур и полотен художников, живущих в Монголии и вокруг Байкала, да и тех, кто творит вдали от родины. Окна моей квартиры в Москве смотрят на восток. С утра солнце наполняет комнаты ярким светом и передаёт привет с берегов Орхона и Селенги, Байкала и Ангары, где я родился и рос.

Пройдут годы, столетия. И люди разных народов, освобождаясь от предрассудков, предубеждений наших дней, сумеют по-настоящему оценить всю глубину, сложность и красоту мира моих предков и создадут новые образы монголосферы.